

“великие романисты остались в прошлом”

Карл-Йохан Вальгрэн — Газете

Газета - 2004 - осень - с. 75

Одним из ярчайших участников Московской книжной ярмарки стал шведский писатель и бард Карл-Йохан Вальгрэн. Его роман «Ясновидец», покори́вший Европу, выпущен в России издательством «Олма-Пресс». Центральный персонаж книги — отягощенный страшными уродствами глухонемой карлик-телепат — становится героем трогательной любовной истории. Опыт современного романиста Карл-Йохан Вальгрэн поделился с корреспондентом Газеты Кириллом Решетниковым.

В «Ясновидце» встречаются весьма специфичные сведения о культуре и просвещении глухих. Откуда такое детальное знание вопроса?

У меня есть друзья, которые выросли на культуре, основанной на жестовом языке. Сами они не глухие, но у них глухие родители. Эти люди двуязычны — они легко изъясняются на языке жестов и свободно говорят по-шведски. Но своим первым языком все они считают жестовый. Кроме того, я изучал историю общественной мысли глухих, их идейную эволюцию. История «холокоста глухих» до сих пор не написана. До недавнего времени в Швеции, да и в Германии тоже, их считали умственно отсталыми — ситуация изменилась лет двадцать назад, не раньше. Главная тема романа, конечно, любовь. Но вторая тема как раз — вопрос неполноценности. Существует ли она вообще? Не обусловлено ли это понятие историческими и культурными факторами? Кто определяет, что такое неполноценность? Это делает некое большинство, задающее норму. Оно говорит: мы нормальные, а вы ненормальные, мы полноценные, а вы нет. Вот против такого взгляда, против такой фашистской оптики и направлена книга. Кто-то, может быть, считает, что это роман о безумии, но если вдуматься, речь идет, собственно, об ином уме. Сегодня у глухих, которых двадцать лет назад рассматривали как идиотов, есть своя собственная, уверенно развивающаяся культура.

Остается ли ваш роман актуальным в этом смысле?

Я думаю, да — наш фашистский взгляд все еще мешает нам, мы за две секунды выносим суждение о том, что нас окружает. Не случайно действие романа начина-

ется в Кенигсберге — на родине Иммануила Канта. Чему он нас учит? Во-первых, мы всегда должны находить нашу мораль в самих себе. Бог, возможно, существует, а возможно, и нет. Для моего героя Эркюля Барфусса Бога нет, он сам должен быть источником своей морали. Во-вторых — никогда не верь своим глазам, всегда будь скептичен по отношению к тому, что видишь. И совершенно естественно, что роман заканчивается на Мартас-Виньярд — острове глухих, где герой наконец обретает дом, и это реальный факт — на протяжении ста семидесяти лет на острове была очень богатая культура глухонемых.

Книга может читаться и как некая энциклопедия европейского авантюрного романа, и как дидактический роман... Какой традиции, с вашей точки зрения, следует «Ясновидец»?

Сейчас мы присутствуем при конце романной традиции. Закат этой традиции наблюдается на протяжении уже почти ста лет. Вершина европейского романного искусства, естественно, XIX век. Начинается он, может быть, с Гоголя, а заканчивается, скажем, Томасом Манном. В пределах этого промежутка имела место собственно литература, а потом началось ее вырождение. Я пытаюсь ему сопротивляться, но все же оно — свершившийся факт. Великие романисты остались в прошлом. Что же касается вашего вопроса, то во время работы над книгой я читал только литературу романтической эпохи — Гофмана, Стендаля, Мэри Шелли, литературу готическую — Гюго и других. Я хотел испытать некоторое влияние литературы такого рода. Важно было, однако, облечь все это в современную языковую форму, так чтобы от той литературы оставалось лишь эхо. Для меня это очень важно, в этом заключалось мое стратегическое решение. Я хотел написать любовный роман и спросил себя — возможно ли сейчас создать что-либо подобное? Все любовные романы уже написаны, есть «Мадам Бовари», есть «Анна Каренина». А на шведском языке — «Сага о Иесте Берлинге». И я сказал себе — нет, ничего такого написать уже нельзя. Но потом решил: если поместить эту историю в романтическую эпоху, тогда я свободен, тогда я могу сознательно поставить себе на службу всю эту артиллерию старой доброй романной традиции — и романтической, и готической. Могу явить все это, не стыдясь, и это только сделает мою прозу более сильной.

Ваш роман сравнивали и с «Парфюмером» Зюскинда...

Ну, сравнивали, может быть, потому, что это тоже исторический роман. И потом, у Зюскинда, как и у меня, есть некий при-

чудливый тератологический ракурс (тератология — наука об уродствах. — Газета), в повествовании присутствуют какие-то отвратительные или очень потешные детали. Возможно, имелось в виду это. Я, конечно, польщен этим сравнением, но оно все же поверхностное, и большого значения ему я не придаю. Мой роман и более толстый, и, я думаю, более умный.

А каких современных прозаиков вы цените?

Последние пять лет — американцев. Сейчас есть очень хорошие писатели нового поколения — Джонатан Францен например, а пять лет назад хорошей американской литературы не было, тогда были замечательные англичане. Еще я ценю Мишеля Уэльбека. Русских авторов я читал мало. Пелевин показался мне весьма необычным, но он постмодернист, а я... Конечно, я тоже принадлежу к постмодерну, но у меня нет сознательной установки на это, я постклассицист. Что же касается нынешней немецкой литературы, то от нее я не в восторге.

Вы долго жили в Берлине. Обязаны ли вы чем-либо этому периоду как писатель?

Да, длинными фразами — им меня научил немецкий язык. Шведская проза телеграфна, а немецкая до сих пор остается очень плавной, текучей. Берлин дал мне много, я обязан ему видением Европы и европейской истории последних двух веков. Берлин — место более центральное по сравнению с Москвой или Петербургом, да и по сравнению с Парижем и Лондоном, думаю, тоже. Кто не понимает Берлина — не поймет Европы.

Издательство «Олма-Пресс» планирует издать ваш роман «Личное дело игрока Рубашова». Для нас это особенно интересно — ведь книга посвящена России.

В XX веке Россия была самой большой лабораторией политических экспериментов. Я решил написать политический роман, действие которого охватывало бы весь XX век. Нужно было выбрать главного героя, и в данном случае, конечно, им должен был стать русский — это символично.

Вы известны также как певец и музыкант. Сможете ли вы услышать ваши песни?

Хотелось бы надеяться, но я думаю, что скорее нет — ведь я пою по-шведски, а особо благоприятные условия для продвижения шведской музыки здесь, в России, отсутствуют. Разве что на английском языке... Может быть, я все же дам концерты в Москве и Петербурге — это было бы здорово.

газета

личное дело ясновидца

Карл-Йохан Вальгрэн родился в 1964 году в шведском городе Линчепинг. Жил в Мадриде, Копенгагене и Берлине. Работал барменом и лесорубом. В 1987 году издал дебютный роман «Кочевники». С тех пор выпустил несколько книг, среди которых — роман «Личное дело игрока Рубашова» (1996), повесть «Господин Бахман» (1998) и два сборника рассказов. За роман «История удивительной любви» (2002; в русском переводе — «Ясновидец»), ставший в Швеции бестселлером, получил Шведскую Августовскую премию, учрежденную в честь Августа Стриндберга и присуждаемую за лучшую книгу года. Выступает также как бард и рок-музыкант.

Фотограф: Глеб Щелкунов / Газета